

Интервью со Львом Самуиловичем Клейном

6 октября 2018 г.

Лев Самуилович Клейн (1927–2019) — советский и российский историк, археолог, культур-антрополог, филолог, историк науки. Доктор исторических наук, профессор. Один из основателей Европейского университета в Санкт-Петербурге. Родился в Витебске (Белоруссия) в семье врачей, участник Великой Отечественной войны (1944). Окончил ЛГУ (ныне СПбГУ) по кафедре археологии, ученик М. И. Артамонова, тогда директора Эрмитажа; одновременно учился (до 4-го курса) на филологическом факультете под руководством В. Я. Проппа, одного из основателей русского структурализма. Два десятилетия преподавал на кафедре археологии Ленинградского университета. В 1981 был арестован по сфабрикованному обвинению в гомосексуальных отношениях, приговорен к полутора годам заключения. После освобождения в 1982 Клейн был лишён учёной степени и звания, его не принимали на работу, около десяти лет оставался безработным. В 1993 был восстановлен на работе в СПбГУ, защитил докторскую диссертацию и получил профессорское звание (1994), стал профессором кафедры философской антропологии философского факультета. Преподавал в Европейском университете (до 1997). После выхода на пенсию в 70-летнем возрасте продолжал преподавать в зарубежных университетах: Германии, Австрии, Англии, Дании, Испании, Норвегии, Швеции, США, Словении, Финляндии. Наследием ученого стали более 50 книг, из которых многие переведены на основные европейские языки.

ОА АНООВО ЕУСПБ. Ф. Л-1. Оп. 5. Д. 2/26.

Мечтая о прогрессе в стране, повернувшей назад

Когда мы брали интервью для второго этапа нашего проекта, Лев Самуилович уже давно и тяжело болел. Несмотря на это, он с большим воодушевлением принял нашу просьбу дать еще одно интервью. Мы долго договаривались о времени встречи, так как, даже болея, Лев Самуилович очень много и продуктивно работал. Решили, что для начала он ответит на наши вопросы письменно, а потом в личной беседе дополнит и пояснит то, что потребует расшифровки и пояснений. Лев Самуилович очень быстро прислал нам свои ответы, как всегда, по-клеиновски, категоричные, независимые и ясные, краткие, но очень меткие и глубокие. А вот встретиться нам было уже не суждено: 17 октября 2019 года Льва Самуиловича не стало. Он ушел на 93-м году жизни и, как говорят его близкие, работал до самых последних дней, сохраняя удивительную ясность мысли, даже в последние свои часы читал книгу выдающегося британского археолога Колина Ренфрю. Отдавая дань благодарной памяти Льву Самуиловичу, мы публикуем его интервью в неизменном виде: без купюр и редакторских правок, в том формате, в котором получили его ответы на наш вопросник, и с тем заглавием, которое он выбрал сам. «Когда бы я ни умер, я умру преждевременно» — эти слова Клейна звучат сегодня особенно пронзительно и осязаемо для всех, кто его знал и ценил.

* * *

Как повлияли прошедшие десятилетия российской истории на Вашу жизнь и судьбу? Как бы Вы описали свое личное отношение и степень личной вовлеченности в события этих лет?

Л. К.: Прошедшие десятилетия, к сожалению, подтвердили некоторые мои диагнозы, которые я выдвигал в своих статьях-прогнозах. Например, в статье «Диагноз» в питерском журнале «Звезда» (2006)*. Я писал там о процессах фашизации в стране — в ее экономике, политике, идейных запросах. Приходится как-то реагировать на эти процессы. Сам я вовлечен в это реагирование все меньше в силу возраста — мне 91. Все же я выступаю с изложением и защитой своих взглядов при всякой возможности — в книгах, статьях и интервью.

* Клейн Л. С. Диагноз // Звезда. 2006. № 9. С. 142–157.

Насколько ощутимым было влияние тех же событий на Ваше личное окружение?

Л. К.: По той же причине (возраст) и окружение мое все меньше испытывает влияние событий в обществе. Оно все чаще попросту вымирает.

Сравните, пожалуйста, свое отношение к событиям двух эпох — перестройки и последних десятилетий российской истории.

Л. К.: В перестройку я был исполнен надежд и вдохновлен процессами прогрессивных изменений в обществе. В последние же десятилетия я подавлен и удручен тем, куда страна повернула. В рецензиях на мои работы (А. М. Ельяшевич, 1989, 1993; Е. Р. Пономарёв, 2010*; С. П. Щавелёв, 2012**) меня часто сравнивали с прогрессором Стругацких из романа «Трудно быть богом». И что же, я все больше вхожу в это ощущение, потому что всеми побуждениями я устремлен к прогрессу, а приходится жить в стране, повернувшей назад (ведомой властями назад), в средневековое прошлое — с самодержавной идеологией, завоевательной политикой, церковным мышлением на месте научного, мизерной экономикой, всевластием ничтожества — дона Ребы, простодушием охранников и палачей.

Изменились ли Ваш статус за российское время и Ваше отношение к режиму с точки зрения участия или неучастия в деятельности институтов и структур власти?

Л. К.: Да, мой статус изменился: прочтя мои четыре десятка книг, оценив мои новации, меня стали считать живым классиком науки, и мои теории приобрели некоторый вес. Это, прежде всего, моя причастность к созданию теоретической археологии. Это также мои гомеровские штудии, означавшие полный поворот в гомероведении. Ну и кое-что еще. Но режим тут ни при чем. Просто я долго живу, а мои взгляды стали восприниматься всерьез у нас именно в результате перестройки. Все это вне институтов и структур власти. Впрочем, и научные институты, и издательства (а это не властные структуры) стали вниматель-

* Пономарёв Е. Р. Повесть о прогрессоре / рец.: Клейн Л. С. Трудно быть Клейном: Автобиография в монологах и диалогах. СПб.: Нестор-История, 2010 // НЛО. 2010. № 103.

** Щавелёв С. П. Участь прогрессора // Евразийский археолого-историографический сборник. СПб.; Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 2012. С. 193–201.

нее относиться к моим работам, я чувствую с их стороны признание и готовность по мере сил помогать.

Что касается западной реакции на мои работы, то там быстро признали важность моих трудов по теории археологии, оценили мою роль (признали ее ведущей) в налаживании контактов нашей археологии с западной, но содержание моих теоретических работ не укладывалось в тамошние представления о месте теории и об археологии вообще. Я не во всем поддерживал западную Новую археологию (процессуальную) и выступал резко против модного там течения постпроцессуального (по сути постмодернистского). Так что признания на родине сейчас больше.

Сводилось ли это участие к выполнению служебных обязанностей или носило характер интенсивной интеграции с властью?

Л. К.: Меня восстановили на работе в Петербургском университете, я единогласно защитил докторскую в Академии наук (хотя ранее я был лишен кандидатской), стал профессором по должности и по званию, преподавал также в Европейском университете (в создании которого принял участие), получил возможность выезжать за границу и преподавать в иностранных университетах (Англии, Германии, США, Австрии, Финляндии, Словении и других стран). Тут сказались некоторые административные послабления, имевшие место после перестройки и еще действующие пока. Но никакой интеграции не было.

Каковы были при этом Ваши мировоззренческие установки?

Л. К.: Они, естественно, оставались прежними.

Какие новые роли и возможности открылись перед Вами с конца 90-х годов? Что новые политические силы (партии, общественные движения, лидеры) предложили Вам лично (если такого рода факты имели место в действительности)?

Л. К.: За исключением перечисленного — никаких возможностей и ничего не предложили.

Сервильный интеллигент на службе у государства; диссидент-борец за права человека; независимый интеллектуал; образованный бизнесмен; человек творческой профессии; представитель властвующих элит — кто заметнее всех выделился из общей массы представителей образованного класса?

Л. К.: Выделялись люди разных категорий, в зависимости от силы и масштаба личности. Были крупные таланты среди сервильных (в кино это Михалков, Бортко, Говорухин). Но были (и есть) среди оппозиционеров (Сокуров, Звягинцев, Лунгин). А к кому Вы отнесете Кирилла Серебренникова?

Если такая картина кажется неверной, тогда каким образом дифференцируется мыслящий слой населения страны?

Л. К.: Не думал над этим.

Каким образом представители образованных слоев рекрутируются во властные структуры? Что ценят в них нынешние руководители страны? Кто и какую типическую роль играет, с какими идеями выступает, с кем действует заодно?

Л. К.: Этот вопрос не ко мне.

Можно ли говорить о новых качествах и достоинствах современных российских интеллектуалов в сравнении с советской интеллигенцией? Каков вектор развития этих качеств и достоинств в данный момент и на предвидимую перспективу?

Л. К.: Нынешняя интеллигенция просто несколько свободнее и откровеннее. В остальном та же. Интеллектуалы — это из нее немногие. Но так всегда было.

Какие группы интеллигенции оказались в «выигрыше» и в «проигрыше» в результате становления сложившегося типа российской государственности?

Л. К.: Не думал об остальных группах, но ученые явно в проигрыше. Университеты полностью подчинены государству (во всем мире государственные университеты считаются самыми бедными и захудалыми), Академия наук разгромлена и лишена имущественных владений и управления исследовательскими институтами, ассигнования на науку сильно урезаны, тогда как в ведущих державах они заметно повышены, ставки ученым и у нас повышены (для втирания глаз иностранцам), но ученые в массе переведены на доли ставок. Издевательство.

Каковы те реальные факторы, которые привели к размежеванию экономических и интеллектуальных элит?

Л. К.: Некоторое накопление материальных ресурсов у экономических элит. И заметное освобождение их же от каких-либо моральных установок.

Что из предыдущего опыта русской дореволюционной, советской интеллигенции эпохи развитого социализма сохраняет свое непреходящее значение?

Л. К.: Страх. Поротая задница.

Является ли крах советской системы моментом истины для России и стран бывшего социалистического лагеря? Какие новые пути и возможности для развития обозначил коллапс коммунистических идей и практик? Насколько полно они были использованы в деятельности государства и его институтов?

Л. К.: Конечно, это был момент истины, открывший новые возможности и новые пути развития, но не все этим сумели воспользоваться. Поскольку у власти оказались по неизбежности бывшие коммунисты, они воздержались от осуждения компартии и от люстрации. А в массах тяга к тому, чтобы обзавестись покровительством все более высокого начальства, в конце концов правителя, была слишком привычным образом мышления. На правителя у нас переносят привилегии родителя, чтобы он избавил своих чад от тягостной гражданской ответственности. У психологов и политиков есть даже соответственно образованный термин для обозначения этой тяги к родительской власти правителя, но я его забыл. Склероз как-никак. Массовое избегание ответственности — это болезненный синдром нашего населения, мешающий ему стать обществом.

Можно ли сказать сегодня (почти три десятилетия спустя), что после 1991 года наша страна встала на путь движения «к лучшему обществу»? Если ДА, то в каких отношениях?

Л. К.: А если НЕТ? Она ведь сначала встала на этот путь, а потом свернула опять на прежнюю тропинку. Проторенную, привычную.

Ожидали ли Вы, что с самого начала российский политический режим будет постоянно реформироваться? Если ДА, то в силу каких причин? Если НЕТ, то почему? Какие сценарии будущего казались Вам в 1995–2018 годах желательными и возможными? По каким сценариям пошло развитие страны и общества в реальности?

Л. К.: Сначала я ожидал и надеялся, что российский политический режим развивается в сторону реформ и будет улучшаться — некоторые

реформы в сторону демократизации были проведены. Но через несколько лет они были свернуты и началась реставрация советской системы в условиях латиноамериканского развития капитализма у нас. Экономика заглохла, а с ней и демократия.

Как повлияли дебаты о возврате к общероссийским традициям, начатые после 1991 года, на судьбы нашей страны?

Л. К.: Общероссийские традиции стали пониматься как неприятие тех культурных ценностей, на которых выросла западная (европейско-американская) цивилизация, как махровая азиатчина и средневековое мракобесие.

Почему потенциала российской культуры (ментальности, образа жизни) не хватило для создания эффективной экономики?

Л. К.: Потому что для российской культуры характерна воспитанная православием и условиями быта в «зоне рискованного земледелия» безынициативность («бог даст») и авральность вместо системности в работе. Вспомните Макса Вебера с его различием православной и протестантской этики с точки зрения их влияния на развитие капитализма.

Как изменялось по мере становления новой российской государственности качество демократии, роль личных и гражданских прав и свобод?

Л. К.: Какая демократия? Какие личные и гражданские права и свободы? Жалкие ошметки, а больше имитация.

Что (по-прежнему) мешает развитию российской демократии? Обсудим, какие здесь есть возможности и альтернативы.

Л. К.: Мешает тирания, при которой власть заинтересована только в своем сохранении навечно, в удержании у власти, в лояльности и верноподданности приближенных, а не в их инициативности и уме.

Каковы, по Вашему мнению, конечные цели произошедшей трансформации? Что имеет более важное значение для ответа на поставленный вопрос — факты или концепции?

Л. К.: Цели произошедшей трансформации со стороны властей — сохранить власть, а со стороны подданных — выжить, приспособиться. Что для этого нужнее тем или другим, определяется ситуацией.

Представляют ли себе цели своих начинаний лидеры страны?

Л. К.: Ну, они как-то рисуют себе желательные перспективы, но это либо несбыточные фантазии наполовину с чрезвычайно опасными авантюрами, либо убогие ближние планы.

Чьи представления о счастье — народа или власти — реализуются в процессе изменений?

Л. К.: Ни тех ни других. Народ с трудом выживает, а власть наталкивается на фиаско своих начертаний и авантур. Вряд ли счастливы и миллиардеры: им надо переводить детей, семьи, имущество из заграничных имений в страну, где всё могут отнять в любой момент.

Правы ли те наши соотечественники, которые утверждают, что Россия теперь находится в поворотной точке своего исторического пути?

Л. К.: Пока ничто не говорит о повороте, это всё мечтания либералов. Однако все недовольны так или иначе. А «черный лебедь» прилетает чаще всего неожиданно. Напоминаю, что Ленин не ждал революцию в феврале 1917-го и был к ней не готов. А в результате он подготовил контр-революцию в октябре, к которой февральские либералы-революционеры были не готовы.

Прошли ли мы при этом пункт невозврата к социальному порядку, который развалился на наших глазах? Можно ли считать, что прощание с советским прошлым в принципе состоялось? Но тогда почему действительный исход «прощальных» событий и по сей день остается во многом непредсказуемым?

Л. К.: Какой «невозврат»? Какое «прощание» с советским прошлым? Скорее возвращение и встреча, хотя и не полностью. А исход непредсказуем всегда.

Определим теперь сегодняшние (социальные, экономические, политические, нравственные и другие) координаты тяжелого и трудно управляемого российского корабля. Каково местоположение этого корабля:

- по отношению к собственной традиции и истории,
- по отношению к Европе как духовной целостности,
- по отношению к западной цивилизации,
- по отношению к другим цивилизациям,
- по отношению к миру в целом?

Л. К.: В настоящее время корабль нашего государства отнесло далеко в прошлое, Россия лишилась многих завоеваний, мы сейчас по ряду параметров в допетровской Руси. По численности населения, по территориальному охвату, по мощности экономики, по международным связям. А в такой изоляции Россия никогда не была. Никакой духовной целостности — Россия расколота духовно, как в революционные годы. Мы удаляемся от западной цивилизации, хотя делаем вид (и, видимо, представляем), что противостояим ей. А к другим не приближаемся — просто они используют наши просчеты. По отношению к миру в целом нас занесло на далекую и глухую периферию. «Верхняя Вольта с ракетами» — как никогда верно сейчас.

Где теперь находится Россия — в эпицентре или на периферии («обочине») современного развития?

Л. К.: Формулируйте, как хотите: либо в эпицентре, т. е. глубоко под центром (так что уже и не вылезти), либо на далекой периферии.

Как изменились к настоящему времени общецивилизационные перспективы (контакты, общая судьба, взаимовлияние) для западных и восточных культур?

Л. К.: В свое время я скептически относился к обзорам Сэмюэла Хантингтона, критиковал его в своей книге «История антропологических учений» (издана в 2014, но написана гораздо раньше — в 2000–2002)*. Ныне я отношусь к его «Столкновению цивилизаций» более серьезно. Мы наблюдаем реальное противостояние нескольких цивилизаций — северной (европейско-американской, к которой присоединились Япония с Кореей), мусульманской (в основном арабо-иранской), китайской, индийской, латиноамериканской и африканской. Сейчас китайская и арабо-иранская выдвинулись как конкуренты европейско-американской в борьбе за лидерство в мире. А европейско-американская испытывает внутренние духовные разлады либерального плана, которые ведут к ее опасному ослаблению. Наличие ядерного оружия усиливает риски этой мировой схватки. Россия не имеет самостоятельного значения в этой сваре по причине своей экономической ничтожности, она со своим ядерным оружием может лишь присоединиться к одной из сторон. Она не в силах обеспечить победу одной из

* Клейн Л. С. История антропологических учений / под ред. Л. Б. Вишняцкого. СПб.: Издательский дом СПбГУ, 2014.

сторон, но вполне в состоянии уничтожить человечество. Просто из обиды, в отместку за успехи, в которых мы не участвуем.

Какова роль глобализации мира в этих процессах? Меняется ли ее смысл и вектор? Почему стала возможной дезинтеграция отдельных современных государств? Остановился ли процесс дальнейшей интеграции стран Европейского союза? Каковы место и роль России в этих процессах?

Л. К.: Глобализация, в сущности, сводится к распространению принципов и результатов европейско-американской цивилизации на весь мир. Посмотрите на все наши гаджеты — автомашины, телефоны, станки, да и формы одежды — они все с Запада. Смысл и вектор неизменны за последние несколько веков. В прошлом было иначе — вектор (тогда он был слабее) исходил из Шумера, позже из Вавилона, затем вектор исходил из греческой и римской цивилизации, а в ней много места занял частный вектор еврейского религиозного центра, но было и время успехов арабской цивилизации. Каждый держался по многу веков.

Дезинтеграция государств, составлявших центры глобализации, происходила всегда, когда их силы иссякали. Гибель империй была следствием военных потрясений. Интеграция стран Европейского союза продолжается, хотя конкретные объединения их могут и меняться. Вы думаете, брекзит Англии¹⁵¹ сильно изменил ее экономические и военные связи с Францией и Германией? Канал под Ла-Маншем больше значит для связи, чем подписанные бумаги о союзе. А вот роль России в этой системе связей все незначительнее и мельче. Это очень горько сознавать.

Распались многие империи — Голландская, Датская, Шведская, Арабский халифат, Британская, Австро-Венгерская, Оттоманская, Югославия. Все империи распадаются — это закон. Распад Российской империи начался в 1917 году и продолжается. Создание Советского Союза было попыткой удержать часть завоеваний, но они разбежались снова в 1991-м. Крымский эпизод¹⁵² — это тоже одна из попыток задержать распад империи, вернуть хоть что-то. Но закон есть закон. Взгляните на бывшие центры империй — все это небольшие, но процветающие государства: Англия, Голландия, Дания, Швеция, Австрия, Испания, Португалия... Возможно, Россия займет место в том же ряду, забыв свои имперские амбиции.

Есть ли для России альтернатива глобализации? Можно ли от нее укрыться под щитом «особости российского пути»? Почему в России продолжает сохранять свою силу иллюзия инаковости (иного пути), согласно которой проблемы развития страны могут решаться путем преимущественных апелляций к прошлому, к истории?

Л. К.: Вопреки нагсадному крику наших властей, альтернативы глобализации, такой, какой она реализуется последние века, нет. Нет никакого «особого российского пути» — есть либо европейско-американская цивилизация, либо азиатчина и средневековье. А сей путь наша власть избрала потому, что это единственный способ сохранить себя любимого у руля. Потому что демократия и гражданские свободы неминуемо приведут к падению тиранического режима. Народ быстро переучится, и холодильник победит телевизор и церковь.

В каком направлении развиваются отдельные страны нашего ближнего зарубежья? Какими предстают взаимные образы этих стран в сравнении с представлениями перестроечных и первых постперестроечных лет?

Л. К.: Наши южные и западные соседи, бывшие подданные, постепенно освобождаются от наших экономических и политических пут и оказываются с потрохами в Европе. И делают это не без нашей помощи. Мы всячески старались сохранить их зависимость и подчиненность. Не преуспели: мы не осознали, что живем в другом мире. Мы устремляемся к ним с оружием и увещаниями, но эффект противоположный задуманному. А наши кавказские и среднеазиатские соседи, тоже бывшие подданные, оказались во многом азиатскими по своей цивилизационной принадлежности и в ней утвердились. Они тоже нас не ждут, относятся к нам с настороженностью. Они больше ориентируются на Китай, Турцию или Иран.

В экономике: стагнация индустриального общества, в котором затраты на производство жизнеобеспечения социума уступают затратам на науку, развитие информационных сетей, развитие культуры и образования (притом, что в будущем окажется неизбежным и необходимым прорыв к обществу постиндустриального типа).

В политической системе: государственные институты довлеют над гражданскими, а гражданское общество находится на стадии формирования.

В государственном устройстве наблюдается тенденция к унитаризму и сдерживанию демократического федерализма с достаточной автономией субъектов федерации (включая органы муниципального самоуправления).

В демографических процессах: стабилизация неблагоприятных показателей здоровья населения, низкой рождаемости и достаточно высокой смертности.

В социальном поле — высокий уровень имущественного и социально-культурного расслоения.

В культуре и образовании: тенденция к увеличению разрыва между населением «столиц» и «провинции».

В идеологии и системе ценностей новых поколений: раскол на традиционалистов и прозападников.

В сфере повседневной жизни (семья, гендерный порядок): тенденция достаточно заметной «модернизации» в крупных городах и неотрадиционализм в базовых слоях населения.

В геополитической стратегии государства: прагматизм, т. е. долгосрочная политика не сформулирована и вряд ли может быть определена.

В гражданской самоидентификации предстоит травматическое преодоление имперского и великодержавного синдромов.

Согласны ли Вы с этими выводами? Считаете ли Вы, что перечисленные тенденции адекватно характеризуют Россию 2018 года? Было бы желательно кратко оценить каждую тенденцию и вектор ее изменений по сравнению с началом века.

Л. К.: Ядов высказал свои впечатления в начале века. Многое указано точно. Но ныне процессы более четко определились. Средства сконцентрировались на делах военных — содержание силовиков, в том числе «внутренних войск» (против кого?), вооружение и войны (с кем еще? Подходи!) — и дипломатических (миллиардные дары временным союзникам, подлезание под санкции и т. п.). И жизнеобеспечение, и наука отошли далеко. Никакой автономии субъектов федерации, да и федерация ли это?

Какими идеями и наблюдениями Вы могли бы расширить «список Ядова»?

Л. К.: Уточнения я назвал.

Готовы ли Вы предъявить гамбургский счет государству, чьим гражданином Вы являетесь? О чем бы пошла речь в таком документе, появился он на свет?

Л. К.: Гамбургский счет — это совсем не то, что нужно предъявлять государству. Это просто откровенное и объективное определение победителя в соревновании. А государству нужно просто предъявлять счет — за ним накопились огромные долги. Поскольку оно должно быть нашим слугой, а ведет себя, как наш хозяин и властелин. Оно нас обкрадывает и обманывает, заботясь только о себе.